

Дарья Димке

Советские детские игры: между утопией и реальностью¹

Присущие разным обществам представления о ребенке и детстве отражаются не только в литературе (как детской, так и взрослой), живописи, материальном мире (игрушках, одежде, структуре пространства дома и города), но и в детских играх, как в тех, которые взрослые считают подходящими для детей, так и в тех, которые дети придумывают для себя сами. Эта статья посвящена играм, в которые играли некоторые советские дети в начале 1960-х гг. В статье делается попытка разобраться в специфике этих игр, показать, как особое представление о детстве, характерное для советской культуры начала 1960-х гг., трансформировалось внутри конкретного пласта детской культуры.

Дарья Владимировна Димке
Европейский университет
в Санкт-Петербурге / Центр
независимых социальных
исследований и образования,
Иркутск
ddimke@eu.spb.ru

Эмпирическим материалом для статьи стали интервью², взятые у участников Коммуны юных фрунзенцев — школы пионерского актива, появившейся в начале шестидесятих годов в Ленинграде.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, “детские тексты”», проект № и-01-00-345а.

² Интервью были собраны в 2004–2009 гг. Их с некоторыми оговорками можно назвать биографическими (информанты знали, что меня интересует период их жизни, связанный с коммунарством, однако обычно они начали интервью с рассказа о своей семье, а заканчивали ролью коммунарства в своей сегодняшней жизни). Большинство информантов пришли в Коммуну практически сразу (т.е. не позже 1961 г.) и так или иначе были связаны с ее деятельностью до начала 1970-х гг. Социальная среда, из которой происходили информанты, очень разнородна: среди них были дети врачей, рабочих, инженеров и т.д. Всего мною было взято тридцать интервью.

Коммуна юных фрунзенцев — объединение пионеров-активистов и вожатых Фрунзенского района, которое появилось в Ленинграде в 1959 г.¹ Коммуна создавалась как школа пионерского актива при Фрунзенском районном пионерском штабе². Объединение основал педагог-экспериментатор И.П. Иванов вместе с Ф.Я. Шапиро и Л.Г. Борисовой. Назвать объединение «Коммуной» в честь Коммуны им. Горького, созданной А.С. Макаренко, предложил И.П. Иванов. Обратившись к опыту А.С. Макаренко³ и адаптировав его идеи, И.П. Иванов разработал ту воспитательную технологию, которая впоследствии, как набор символов, ритуалов и практик, получила название «коммунарской педагогики».

Во время летних каникул коммунары выезжали за город, где занимались самыми разными делами: от прополки сорняков до установления обелисков героям Великой Отечественной войны. Система самоуправления в Коммуне строилась следующим образом: каждый день во время сборов отряд выбирал нового дежурного командира отряда, а Коммуна — нового дежурного командира Коммуны. Самоуправление и демократизм в Коммуне были исключительно важным моментом: никто (в том числе взрослые) не имел права не подчиниться дежурному командиру, при этом все бывали дежурными командирами по очереди.

В начале 1960-х гг. коммунарское движение под эгидой газеты «Комсомольская правда» приняло всесоюзный характер. При этой газете московский публицист и педагог Симон Соловейчик организовал Клуб юных коммунаров, целью которого была организация взаимодействия с заинтересованными коммунарством читателями. В газете публиковалась страница «Алый парус». До определенного момента центральные комсомольские органы не препятствовали распространению коммунарских педагогических методик на правах «передового опыта». Центром такого всесоюзного распространения стал пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орленок», вожатые которого после «ком-

---

¹ В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Советском Союзе внутри государственной, т.е. пионерско-комсомольской, системы воспитания произошли некоторые реформы. Эти реформы (связанные с самоуправлением) привели к формированию подсистемы, которая через некоторое время стала достаточно автономной. О законодательных изменениях, создавших окно возможностей для появления этой подсистемы (куда входила и Коммуна юных фрунзенцев), см.: [Димке 2010а]. Об образовательных реформах начала 1960-х гг. см., к примеру: [Трофимов 2006].

² Пионерские штабы (обычно при Домах пионеров) создавали городские (районные) советы пионерской организации. В штаб входили представители всех пионерских дружин города или района. Штаб должен был помогать районному или городскому совету пионерской организации улучшать работу пионерских дружин и отрядов — проводить соревнования, обучать пионерский актив новым формам работы и т.д.

³ О воспитательной технологии А. Макаренко, в частности о самоуправлении, см.: [Хархордин 2002: 110–140].

мунарских» смен 1962–1963 гг. работали по новым методикам. Однако с середины 1960-х гг. негласным решением руководства комсомола движение, оказавшееся слишком самостоятельным и одновременно идеологически безупречным, было лишено режима благоприятствования.

Для руководителей Коммуны было характерно особое восприятие детства. Детство — время действия и настоящей борьбы (хотя бы и под крылом взрослых), а взрослые и дети — соратники в общем деле. Ср. полемику в диссертации И.П. Иванова со статьей [Неймарк 1969: 170–171]: в последней Коммуна была названа «детским коллективом». «Коммуна была не “детским коллективом”, а единым коллективом взрослых <...> и воспитанников разных поколений» [Иванов 1972: 386]. Для И.П. Иванова важно (он неоднократно подчеркивал это в диссертации), что Коммуна — именно «содружество разных поколений» [Иванов 1972: 356], цель которого — «улучшение жизни» [Иванов 1972: 359]. Ребенок должен был восприниматься взрослыми воспитателями в качестве товарища и соратника в борьбе за улучшение жизни (или по крайней мере ребенок должен был думать, что взрослые относятся к нему именно так).

Такое отношение к ребенку не совсем обычно. Область детства и воспитания в европейском обществе XX в. отделена от взрослого мира, а воспитание как включение во взрослую жизнь видится как постепенный процесс¹. В данном же случае речь идет не о подготовке к взрослой жизни, а об активном участии в ней. Это участие рассматривается создателями Коммуны как центральный компонент педагогической технологии: дети вносят свой вклад в улучшение окружающего мира вместе и наравне со взрослыми; ребенок — полноправный участник взрослой жизни. Более того, детство не рассматривается как отдельный и необходимый период жизни со свойственными только ему практиками, досугом и пространством.

Для того чтобы понять специфику игр, распространенных в Коммуне, мы должны понять, из какого представления о ребенке и детстве они вырастали.

Советская концепция детства

В начале XIX в. начинает формироваться концепция детства, которую условно можно обозначить как «романтическую», поскольку именно в романтизме возник образ детства как времени невинности, а ребенка — как ангела, спустившегося с небес.

¹ Это представление о воспитании, противоположное господствовавшему в более ранний период, складывается в XIX в. Подробнее см.: [Арьес 1999].

Романтики наделили ребенка особой духовностью, собственно, они «установили культ ребенка и культ детства» [Берковский 2001: 31]. Ребенку стали приписывать те возможности, которые, как предполагалось, по мере взросления неминуемо утрачивали взрослые. Так, Новалис говорил о том, что «земной человек, обладающий наивысшим развитием <...> близок к ребенку» [Берковский 2001: 31]. У. Вордсворт в оде «Откровения о бессмертии, навеянные воспоминаниями раннего детства» описал взросление как постепенное забвение истинной красоты и Бога.

Ни традиционное общество, ни общества XV или XVII в. не интересовал ребенок как таковой. Ребенок в этих обществах рассматривался как существо, близкое к животному миру, а детство — как тот период жизни, который нужно как можно скорее преодолеть. Задачей родителей было «сформировать» это существо, приблизить его к взрослому (т.е. к человеческому) облику. Роль разного рода приспособлений для детей (к примеру, таких, как ходунки) сводилась к тому, чтобы «выталкивать» их из состояния младенчества», а не «продлевать предполагаемую радость и невинность детства» [Калверт 2009: 15]. Характерно в этом плане и отсутствие интереса к ребенку как таковому, к примеру, в античной или средневековой литературе (не говоря уже об отсутствии в этих обществах специальной детской литературы в том смысле, который мы вкладываем в это понятие сегодня).

В первой половине XIX в. ребенок начинает рассматриваться как существо, во многих отношениях взрослого превосходящее, поскольку в отличие от взрослого ребенок не испорчен соприкосновением с порочным миром. Взросление стало оцениваться как регресс, как утрата чистоты и невинности. Это изменение отношения к взрослению очень точно формулирует К. Калверт: «Концепция абсолютного прогресса человеческого развития, выдвинутая в XVIII веке, была перевернута с ног на голову. Кульминационный момент жизни теперь приходился на окруженное ореолом святости детство, а затем линия жизни непрерывно катилась под уклон, ибо взрослый, погруженный в ежедневную суету, неизбежно шел на компромиссы с совестью и подвергался моральному разложению» [Калверт 2009: 153]. Родители считали, что «их дети родились в состоянии святости, из которого сами они давно вышли. Наградой взрослым являлось повторное обретение самого себя через возвращение в собственное детство. Состояние взрослости теперь содержало в себе новое, беспокойное ощущение утраты» [Калверт 2009: 154]. Взросление, которое раньше воспринималось как процесс формирования личности, теперь воспринимается как время ее распада.

Именно эту концепцию детства отвергала русская революционная культура 1920-х гг. Представители этой культуры строили «новый мир». Детям следовало как можно скорее повзрослеть, чтобы присоединиться к взрослым и помочь им в достижении их высокой цели — создания справедливого общества: «Мы сомкнутым строем / в коммуну идем — / И старые, / и взрослые, / и дети. / Товарищ подросток, / не будь дитем, / А будь — / борец и деятель» [Маяковский 1958: 180]. Если в европейской культуре конца XIX — начала XX в. взросление означало сокращение возможностей, то в русской революционной культуре все было наоборот: взросление — это возможность стать «новым человеком» и построить новое общество.

При этом в советской культуре 1920–1930-х гг. дети занимали совершенно особое место. Это было связано с тем, что дети в отличие от взрослых не были «испорчены» социализацией в старом мире. Ребенок не был ценен как представитель особого мира детства, но был ценен как наиболее подходящий материал для создания нового человека¹. Переделка уже имеющегося материала (взрослых) казалась более трудоемким процессом, чем изготовление нового изделия, и в этом качестве статус ребенка в новом обществе был выше статуса взрослого. Из разных концепций детства выработались разные представления о детских играх.

Так, детские писатели викторианской Англии ностальгически описывали в своих книгах игры в волшебные страны как непреходящий атрибут детства, а советские показывали эти игры как часть умирающей культуры, ненужную и нелепую в новом мире осуществляющейся утопии. В автобиографической повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» братья Леля и Оська придумывают волшебную страну Швамбранию. Придумывают только потому, что в реальном дореволюционном российском мире взрослых им нет места, они заперты в условном пространстве детства: «Мир был очень велик, как учила география, но места для детей в нем не было уделено. Всеми пятью частями света владели взрослые. Они распоряжались историей, скакали верхом, охотились, командовали кораблями, курили, мастерили настоящие вещи, воевали, любили, спасали, похищали» [Кассиль 1993: 8].

¹ Для педагогов 1920-х гг. было вполне характерно восприятие детей в качестве «человеческого материала»: «В период социалистической реконструкции, в период обострения сильнейшей классовой борьбы, когда в многомиллионной стране происходит <...> радикальная перестройка не только всех отраслей хозяйства, но и <...> человеческого материала <...> в этот период задача подготовки кадров строителей социализма имеет особенно большое значение» [Детская литература 1931: 9].

Реальный мир узурпирован взрослыми, и все, что остается детям, — суррогат реальности в виде игры. Старая система воспитания с ее детской, гимназией, сказками и мифами, отделяющая мир детей от мира взрослых, не позволяющая жить детям «настоящей жизнью», — часть несправедливого мироустройства, которое нужно изменить и которое изменила революция: «Раскаленные зреющие силы бушевали в нас. Их стискивал отвердевший, заостренный уклад старой семьи и общества. Мы хотели много знать и еще больше уметь. <...> Мы хотели участвовать в жизни наравне со взрослыми — нам предлагали играть в солдатики, иначе вмешивались родители, учитель или городской. <...> Мы играли с братишкой в Швамбранию несколько лет подряд. <...> Только революция — суровый педагог и лучший наставник — помогла нам вдребезги разнести старые привязанности, и мы покинули мишурное пепелище Швамбрании» [Кассиль 1993: 10].

Игра в волшебную страну показана как суррогат реальности, подобный религии, которым вынуждены утешаться те, кто так или иначе ущемлен в своих реальных правах: «После посещения церкви мы решили, что царство небесное — это такая Швамбрания, которую взрослые выдумали для бедных» [Кассиль 1993: 32]. Игры, подобные Швамбрании, в новом мире больше не нужны, более того, они вредны, поскольку отвлекают от настоящего мира и настоящего дела: «О Швамбрании Дина расспросила очень внимательно. Она только немножко удивилась, что у нас в такое интересное время есть еще потребность в сверхъестественном» [Кассиль 1993: 240].

Восхищение детскими играми как выражением невинности, свободы и творчества, свойственное европейской постромантической культуре, в советском обществе 1920-х гг. сменяется пренебрежением и отрицанием. В. Маяковский в своих стихах для детей разговаривает с ними исключительно о взрослом. Собственно, ребенок интересует его постольку, поскольку он когда-нибудь перестанет им быть, т.е. станет взрослым¹. По тонкому замечанию М. Петровского, «когда мы читаем в <...> его стихотворении: “Должны уметь мы целиться, уметь стрелять”, “Мы будем санитарями во всех боях” <...> — то не нужно понимать эти строчки так, будто дети прямо из стен детского сада или пионерского форпоста отправятся на театр военных действий, — нет, здесь идет речь об относительно отдаленном

¹ В этом плане характерна как борьба со сказкой, развернувшаяся в 1920-е гг., так и появление «производственных книг» (рассказов о профессиях, индустриальном производстве, машинах и т.д.). Как замечает Е. Штейнер, эта тематика «в определенной пропорции <...> присутствующая и в литературе других современных обществ, в раннесоветской социальной модели заняла несоизмеримо доминирующее место. Производственно-индустриальные книжки должны были заменить старозаветные сказки» [Штейнер 2002: 99–100].

будущем <...> но это отдаленное будущее — единственная реальность стихотворения. Сегодняшний ребенок охарактеризован одной чертой, и это его черта — кем и каким он должен стать, когда перестанет быть ребенком» [Петровский 2006: 111–112].

Образ детства строился через отрицание представления об особости детства как периода жизни, а образ ребенка конструировался через модель партнерства: дети воспринимались как младшие товарищи по переустройству мира. Когнитивная метафора¹, посредством которой осмыслялось и концептуализировалось детство, поменялась: образ ребенка-ангела сменился образом ребенка-партнера. Это представление отразилось как в художественной литературе, так и в реальности: из него выросли как педагогические технологии советской эпохи², так и игры, в которые играли дети. Если детские игры предшествующей культуры больше не соответствовали ценностям и представлениям, характерным для культуры советской, то какие игры должны были их сменить?

Рассмотрим некоторые игры, распространенные в Коммуне. Коммуна юных фрунзенцев была одним из последних советских воспитательных экспериментов, вдохновленных опытом А.С. Макаренко. Идея о коллективизме и детском коллективе как идеальной среде воспитания была последовательно реализована в советской педагогике. Однако идея о самоуправляющемся детском коллективе оставалась периферийной. В этом плане Коммуна юных фрунзенцев (так же как Коммуны А.С. Макаренко или детские посткоммунарские объединения вроде свердловского клуба «Каравелла» В.П. Крапивина) особенно показательна именно потому, что наиболее полно воплощает советское представление о ребенке и детстве, представляя собой некоторый идеальный тип, своего рода воплотившуюся воспитательную утопию, которая в советской официальной педагогике никогда не была реализована полностью.

«Тимур и его команда» как идеальная советская детская игра

Одной из самых распространенных игр в Коммуне был «тимуровский десант». Эта игра представляла собой одну из вариаций игры в «Тимура и его команду»³. Прежде чем перейти

¹ О когнитивной теории метафоры см.: [Лакофф, Джонсон 2004].

² О том, как это представление отражалось в текстах школьных учебников, см. сборник: [Учебный текст в советской школе 2008]. Любопытные наблюдения на эту тему содержатся в статье: [Koutaissoff 1953]. См. также книгу Е. Штейнера, в которой рассматривается формирование новой советской детской книги в 1920-х гг. [Штейнер 2002].

³ Подробнее о культе Тимура и «тимуровцах» см. в: [Келли 2009].

к описанию и анализу этой коммунарской игры, мы должны кратко охарактеризовать ее инвариант.

В повести «Тимур и его команда» А. Гайдар блестяще воплотил то, что соответствовало духу утопического советского проекта и характерной для него концепции детства: представление о детской автономии, о замкнутом коллективе детей, который с минимальным участием взрослых в процессе игры сам осваивает коллективистские нормы и ценности¹. Дети воспитывают друг друга, изменяя и улучшая мир взрослых². Они играют не в индейцев или пиратов — они тайно помогают взрослым строить новый мир.

После выхода этой повести по всей стране возникли отряды «тимуровцев», которые помогали старикам, строили детские площадки, ухаживали за деревьями и следили за чистотой города. При этом важно, что такие объединения зачастую возникали по детскому почину и без санкции взрослых: игра должна была быть тайной, в этом состоял ее смысл. Заметим, что это не значит, что взрослые на самом деле не знали о таких организациях или не инициировали их создание. Важно, что дети так думали. В рамках этого представления взрослые — даже самые «хорошие» и «правильные» — часто не могут понять, что детей увлекает не только романтика книжных приключений или романтика воровского мира (так, в повести «Тимур и его команда» взрослые подозревают Тимура в причастности к подростковой банде). Реальный мир — мир осуществляющейся утопии — становится для детей не менее, если не более, привлекательным.

Советские дети играли в такие игры и в 1960-е³. Так, одна из наших информанток рассказывала об игре, в которую они играли в школе с одноклассниками. Они создали «тайную организацию», чтобы бороться с разного рода школьными несправедливостями: *Классе в седьмом <...> у нас было тайное общество. Хорошо, никто не догадался! <...> «ДССД» — дружный союз семерых девчонок. Как идиотки в сортире линейку проводили! [смеется] Дежурный командир у нас тоже был. <...> Мы не списывали, например, и никому не давали. Это было принци-*

¹ Заметим, что речь идет о представлении, а не о реальности. Взрослые могли контролировать и чаще всего контролировали эти игры. В данном случае важно то, что дети верили в отсутствие этого контроля.

² Подобная идеологема была одной из наиболее специфичных и ключевых в советской культуре. Это касалось не только литературы, но и кинематографа. Так, эта идеологема стала структурообразующей в фильмах «Неуловимые мстители» (1966) Э. Кеосаяна и «Армия трясогузки» (1964) А. Лейманиса. О том, как она могла трансформироваться в поздней советской культуре, см. статью: [Кукулин 2008].

³ О школьных играх советских детей в 1960-е гг. см.: [Шумов 2010]. Об играх, в которые играли дети во время Второй мировой войны (на немецком материале), см.: [Маубах 2010].

ально! Глупости, конечно... У нас были свои прозвища [Интервью № 11, ж., приблизительно 1948 г.р.].

Тайна делает эти игры очень заманчивыми: она превращает их в настоящее приключение, «настоящее» еще и в том смысле, что дети участвуют в настоящей, а не в придуманной жизни. Другими словами, можно «понарошку» охотиться на тигров или нападать на индейцев, но нельзя «понарошку» прополоть картофельное поле или убрать улицу. Дети делают полезное и важное дело, причем делают его (как им кажется) по собственной инициативе и исключительно собственными силами. В этом случае важно, что обязательным компонентом игры становится сознательное изменение окружающего мира: хозяйственная деятельность сама по себе начинает входить в смысл игры. Именно этим такие игры отличаются, например, от игры в покраску забора, описанной М. Твенем в книге «Приключения Тома Соейра». Друзья Тома Соейера соревнуются за право участвовать в процессе — красить забор вместо Тома Соейера, а не за результат: хозяйственная деятельность лежит по ту стороны игры, и смысл игры состоит вовсе не в улучшении окружающего мира посредством изменения цвета забора.

В играх описываемого нами типа дети, играя, непосредственно участвуют в жизни взрослых. Именно включение в реальную жизнь отличает их от обычных детских игр. По сути, играя, дети втайне от взрослых занимаются «общественно-полезной» деятельностью. Кроме того, такие игры — всегда коллективные: можно в одиночестве красться по воображаемым джунглям, но для того, чтобы тайно напилить дров или принести воды старушке, требуется хотя бы два человека: один должен быть часовым, иначе тайны может не получиться. Важно также и то, что тайна связывает членов таких игр, превращаясь в своего рода средство формирования коллектива: участники игры совершают хорошие поступки втайне от всего мира, но не от узкого круга посвященных. Именно эти посвященные могут оценить благородство поступка.

Тайна, являющаяся ключевым элементом этих игр, отличает их от обычной «общественно-полезной» деятельности, которая является обязательным компонентом воспитания во многих системах: у скаутов, в гитлер-югенде или пионерской организации. В этом случае игра превращается в обязанность, исполнение которой контролируют взрослые. Так, скаут получает особые значки, набрав соответствующее количество которых, он переходит на следующую иерархическую ступень. Контроль взрослых — такая же обязательная часть этой деятельности, как его отсутствие в игре. Этот контроль проявляется в поощ-

рении и наказании — и то и другое уничтожает романтику, поскольку привносит внешний стимул и нарушает тайну.

Игры этого типа были очень популярны в Коммуне. Коммунарский вариант такой игры назывался «тимуровский десант» — «добрые дела», которые должны были остаться тайными: *Учились мы дела добрые делать, но не хвалиться. Было у нас это. Вот бахвальства не было. Законы у нас коммунарские были. Было принято и поощрялось — уважалось, вернее — человек сделал какое-то доброе дело молча. Что-то такое сделал, трудное. <...> Самое хорошее считалось — тайком что-то сделать и про это промолчать. Чтобы никто не знал* [Интервью № 18, ж., приблизительно 1945 г.р.].

«Тимуровские десанты» проводились отдельными отрядами (т.е. на общих сборах Коммуны не обсуждались, в рапортах о сделанной работе не упоминались). «Десанту» предшествовала «тимуровская разведка». Разведка проводилась для того, чтобы выяснить нужды или проблемы организаций (таких как детский сад, клуб, школа, колхоз и т.д.) или отдельных людей. Обратим внимание на лексику, которую используют коммунары, — «десант», «разведка». Комплекс представлений о войне и военных действиях дал значительный пласт понятий, отражающих мир коммунаров (среди таких понятий — «авангард», «разведка», «десант», «марш-бросок», «операция»). Собственно, сам десант «разыгрывался» коммунарами как военная операция. В этом плане показательна лексика, которую использует один из коммунаров, описывая в сочинении «тимуровский десант»: «Стоп! На левом фланге — подозрительный шум. Перемигнулись фонари, и работа мгновенно прекратилась. Ребята замерли. Через минуту связь доложила: все в порядке. И тут снова тревога — в домике на территории детсада кашляют. В окне зажигается керосиновая лампочка. <...> Дело сделано, но если сейчас кто-нибудь нас заметит — пропадет вся секретность операции. Поэтому мы уходим еще тише, чем пришли» [Фрунзенская коммуна 1969: 26–27].

Десант проходил ночью, поскольку день был занят другой, «официальной», работой. Кроме того, только ночью «доброе дело» можно было сделать втайне как от жителей деревни, так и от прочих отрядов: «Ночью ребята работали на колхозном поле. Почему ночью? Во-первых, потому что так интереснее, во-вторых, очень приятно доставлять людям радость потимуровски сюрпризом. Такая ночная вылазка в коммуне начинается “десантом”. Никто из колхозников долгое время не знал, кто выполол заросшее картофельное поле, привел в порядок колхозный клуб, построил спортивную площадку для ребят» [Мойжес 1961: 31]. Конечно, эта «тайна» была скорее

«сюрпризом». Во-первых, коммунары рисовали свой знак — «кюфик». Даже если учесть, что знак был достаточно маленьким и его легко было не заметить, вряд ли жители деревни на самом деле не догадывались о том, кто сделал «доброе дело». Во-вторых, чтобы отлучиться из лагеря ночью, отряд должен был получить разрешение дежурного командира Коммуны.

Дневная работа участников сбора зависела от того, где проводился сбор — в деревне или в городе. Однако отряд, который всю ночь был на «тимуровском десанте», не освобождался от работы днем и не получал никаких официальных наград или поощрений. Сегодня в интервью информанты обязательно подчеркивают разницу между «общественно-полезной деятельностью» в советской школе или пионерском лагере и «тимуровскими десантами» в Коммуне:

Тимуровская работа <...> тоже доставляла большой кайф, и кайф ее состоял именно в неафишированности. Потому что, с одной стороны, были еще какие-то оценочные моменты жизни. <...> На линейке на утренней дарили <...> свинью, по-моему, самой грязной палатке. Или черепаху, тем, кто опаздывает на зарядку. Очень быстро это прошло — все такие оценочные моменты, тем более такого внешнего характера. Это скорее были моменты из обычного лагеря. Тимуровская работа. <...> Заметили какую-то старушку — действительно, живет одна. Дрова, то есть большие бревна, свалены, поколоть некому. <...> Во-первых, кайф, потому что «военная операция». Можно было прийти и сказать: «Авдотья Петровна, давайте мы вам поколем!» Неинтересно! И потом, мы заняты своими делами. А вот прийти ночью, когда она спит. Дрова из этой кучи перетаскать за двести метров в сторону, потому что иначе она будет слышать. Колоть где-то на опушке леса. <...> Мы представляли себе эту радость — когда она проснется, и какое-то чудо произошло! Потому что она не слышала, что кололи, а все дрова поколоты. Мы не спали всю ночь и успели ровно на утреннюю линейку, никому ничего не сообщили. Не было в традициях такой ритуальной внешней оценочности, которая существовала во всем обществе всегда и сейчас существует [Интервью № 12, м., 1947 г.р.].

Отличие «тимуровского десанта» от обычных для пионерского лагеря видов деятельности состоит в том, что информант называет «оценочными моментами внешнего характера». Такие «моменты» отсутствуют в «десанте». Эта игра не нуждается во внешнем стимуле («ритуальной внешней оценочности»), потому что он исказил бы ее смысл, и коммунары, так же как и руководители Коммуны, это прекрасно понимали. Более того, коммунарам сама потребность в таком стимуле представляется оскорбительной: «Только слабый ищет славы,

только слабый ждет награды, обойдутся коммунары без почета, без награды»¹.

Такие игры оказывались средством формирования детского коллектива. Постепенно их участники становились друг для друга самыми авторитетными судьями.

«Джон Суровая Рука»: игра как внутренняя форма контроля

Наряду с «тимуровским десантом» в Коммуне существовало еще несколько типов игр. Самыми любопытными и характерными из них были, пожалуй, игры во внутренние формы контроля (не направленные на улучшение окружающего Коммуну мира, а обращенные к самой Коммуне). Такие игры возникали время от времени. Одна игровая форма сменяла другую, и их придумали не организаторы Коммуны и члены Ревкома (т.е. взрослые), а сами коммунары.

Например, «тайное общество» внутри Коммуны под названием «Джон Суровая Рука» было придумано несколькими коммунарами на зимнем сборе Коммуны 1964 г., который проходил в интернате, расположенном за городом. Создатели «Джона» расшифровывали свое название в духе времени по первым буквам лозунга «Даешь Жизнь Образцовую, Новую». Идея объединения возникла, по словам информантов, потому что дисциплина в Коммуне (из-за возросшего числа участников) стала расшатываться. Коммуне, по мнению коммунаров, потребовались новые формы контроля:

Во всякой организации, чтоб она нормально существовала, должны быть элементы контроля. Правильно? Это нормально — в любой организации есть всякие виды контроля. <...> Выступать с палкой? Кого-то контролировать? Народу же много. Все-таки должен быть какой-то централизованный порядок. <...> Система должна работать, да? Если она работает, то все должно выполняться. Я не помню, кому пришла в голову эта идея — создать тайную организацию, которая будет заниматься контролем, да? И создали такую организацию — пять нас было или шесть — называли «Джон Суровая Рука» [Интервью № 21, ж., приблизительно 1947 г.р.].

Во всяком случае, ни к замыслу, ни к его осуществлению руководители Коммуны не имели отношения.

В объединение входили шесть человек. Они должны были внимательно наблюдать за остальными членами Коммуны (естественно, включая взрослых) и подмечать поступки, недостой-

¹ Законы Коммуны.

ные коммунара. Вечером они тайно собирались, делились друг с другом результатами дневных наблюдений и сочиняли. Сочиняли «Джоны» общие воззвания к членам Коммуны, которые утром расклеивали по интернату. Эти публичные воззвания были своего рода модификацией «стенгазеты-молнии»: экстренного выпуска стенгазеты, который в данном случае был посвящен исключительно нарушениям и состоял из кратких текстов и карикатур к ним. Кроме воззваний «Джоны» сочиняли записки отдельным провинившимся коммунарам. В записках указывался проступок, в котором коммунара должен был сознаться на вечернем «огоньке». На тот случай, если коммунара думал, что он сможет утаить свою вину, «Джон» в первом публичном воззвании предупреждал: «Если же память откажет ему, Джон и его друзья расскажут все, что надо, публично и доходчиво. Ликбез не будет слепым и глухим, и скоро вы это поймете! Д.С.Р.» [Фрунзенская коммуна 1969: 144].

Никто в Коммуне не знал, кто входит в объединение. Но деятельность его членов не вызывала большого ропота среди коммунаров: такая игра вполне отвечала духу тех особых советских детских игр, среди компонентов которых присутствовали тайна и борьба с «недостатками друг друга и окружающего мира». Кроме того, шуточный стиль записок «Джона» смягчал сам факт постоянного товарищеского мониторинга поведения, а воззвания и записки были посвящены мелким бытовым промахам и, как правило, в отличие от «откровенных разговоров» не посягали на обсуждение душевных качеств коммунаров¹, хотя время от времени в воззваниях появлялись, к примеру, конкретные фамилии виновников, нарушителей трудовой дисциплины и т.д. Приведем несколько примеров стиля воззваний и записок «Джона».

В первом воззвании — 3 января — «Джон» критиковал общий коммунарский «огонек»: «“Несостоявшаяся премьера”. Сегодня на вечернем “Огоньке” /не/ состоялась премьера оперы “Шумный день” по теме первого дня сбора. Немного слов об этой опере. Тема тишины плохо проработана. Массовые сцены затянуты. Слабо развита тема дежурного отряда. Исполнение вокальных номеров недостаточно продумано. I голос — визг. 2 голос — ломается, третий голос — единственный. Партию первого I голоса исполнял Совет Коммуны, 2 голос — дежур-

¹ Это было сделано не как карающий меч, это было с юмором. Потому что там В.Ц. — он рисовал прекрасно, мгновенно было все в рисунках! Тексты были смешные написаны. То есть не идея действительно контроля жесткого, да? Вот не сделал — получи! А с юмором, чтоб все посмеялись, и поэтому все даже ждали каждый день листочек или письмишко от «Джона». Что там «Джон» увидел? Это идея контроля — она хорошая очень, потому что она, во-первых, не взрослые, а сами. Во-вторых, она с юмором. А юмор — это всегда вещь спасительная, во всех ситуациях [Интервью № 21, ж., приблизительно 1947 г.р.].

ный отряд Урал» [Казакина 1967: 49–50]. Записки «Джон» адресовал конкретным коммунарам: «Оля! Отказ твой писать сочинение на олимпиаде искренне поразил меня. Неужели я, старый, дожил до того, чтобы коммунары не уважал собственный коллектив? ДЖОН С.Р.» [Казакина 1967: 52].

Как вспоминает в интервью один из создателей «Джона», *это не было какой-нибудь слежкой и стукачеством. Стукачество было не нужно. Потому что тебе в лицо говорили то, что мог сказать стукач. Это доблестью считалось! <...> Здесь было скорей такое — есть люди, которые очень остро чувствуют этот самый идеал. Настолько острее, чем остальные, что имеет смысл указывать, что, ребята, здесь не так, здесь прокололся. И стали появляться листки «Джона»* [Интервью № 15, м., приблизительно 1947 г.р.].

Сравнение со «стукачеством» очень важно для понимания этого типа игр. О «стукачестве» можно говорить только в том случае, если есть власть, которая находится над коллективом и вне его. Соответственно, «стукачество» для членов такого коллектива — это один из способов продемонстрировать лояльность власти и (или) получить определенные выгоды. В случае Коммуны (в отличие от, к примеру, обычного пионерского отряда или советского общества в целом) власть принадлежит коллективу, так что источник власти находится внутри, а не вовне. Поэтому то, что в обществе, в котором власть находится вовне, будет рассматриваться как «стукачество» (или предательство), здесь будет рассматриваться как доблесть, в том числе и потому, что осуществляется тайно и не подразумевает получения никакой личной выгоды. Кроме того, в записках и воззваниях «Джона» никогда не шла речь о серьезных проступках, скорее о небольших нарушениях, которые могли послужить поводом для юмористических тайных записок и карикатур.

Коммуна, по замыслу ее создателей, должна была представлять собой прообраз коммунистического общества, воплощение коллективного образа жизни. Любые отклонения от коллективистских ценностей и, в частности, от самоуправления воспринимались как угроза общему проекту. Игра в «Джона» в шуточной форме реализовывала самоуправление и тем самым показывала: если в Коммуне по каким-то причинам понадобятся формы контроля, они будут добровольными и внутренними.

Эти игры, как и игры «тимуровского типа», вырабатывали ответственность каждого за коллектив и перед коллективом. Собственно, их появление и есть свидетельство того, что коллектив сложился: часть его членов так остро чувствует ответственность за него, что становится «Джонами», другая часть

охотно принимает правила игры. Возвания, стилистически неотличимые от принадлежащих «Джону», постоянно множились [Казакина 1967: 53].

После сбора некоторые члены Коммуны и коммунары попытались перенести «Джона» в школу: «У Джона появились десятки союзников. Записки многочисленных “Джонов” наводнили школы. Учителя находили их на столах, в портфелях, в классных журналах и даже в карманах» [Фрунзенская коммуна 1969: 145]. Директора школ начали звонить Ф.Я. Шапиро с требованием прекратить «тайную организацию». Коммунары, видимо, не всегда и не до конца осознавали разницу между школой и Коммуной. В Коммуне взрослые и дети были равны, в том смысле, что у них были одинаковые права и обязанности. В этом плане в Коммуне действительно не было «начальства». Игры, подобные «Джону», были возможны только при условии равенства всех членов сообщества (включая взрослых). Оно было в Коммуне, но его не было и не могло быть в советской школе. Перенос «Джона» в школу вызвал вполне понятное возмущение учителей. Понятно, что они звонили именно руководителям Коммуны, поскольку считали, что те так или иначе инициировали эту игру и поэтому могут ее прекратить.

Руководители Коммуны объяснили ситуацию коммунарам, и «Джон» запретил своим последователям посылать записки школьным учителям. А вскоре, несмотря на шуточную форму «проработки», коммунары сами начали чувствовать неоднородность этой игры. «Джон» стал вызывать недовольство некоторых коммунаров: «Понимаете, это значит, что среди нас в палате был “нолик”, и он пошел и наступал таинственному Джону. Даже фамилии сказал (что меня больше всего разозлило). И мы не знали этого человека! Если бы я не боялась слишком сильно высказаться, я бы назвала его стукачом» [Фрунзенская коммуна 1969: 145]. Кроме того, возможно, коммунары просто наигрались. Почти на каждом сборе они придумывали новые игры. На следующем сборе «Джона» не было.

Появление «Джона» не вызвало особых симпатий у взрослых членов Коммуны, поскольку они быстро поняли, что невольно оказались участниками игры: просто запретить «Джона» они не могли, а отвечать на его записки были обязаны. Настороженное отношение организаторов Коммуны и членов Ревкома к появлению «Джона» и увлечению им, возможно, объясняется несколькими причинами. Во-первых, они могли бояться, что дети заиграются (что и произошло, когда коммунары попытались перенести «Джона» в школу). Во-вторых, сама форма этой игры была с точки зрения взрослого человека весьма неоднозначной и могла дискредитировать идею Коммуны.

Игра в «страну-мечту» и ролевые игры: советский вариант

В Коммуне существовал еще один специфический тип игр. Он отличается от двух уже описанных нами типов, поскольку тайна не является его обязательным компонентом. Сущность таких игр состояла в том, что дети, играя, осваивали некоторые идеологизированные формы деятельности взрослых: их ритуалы совпадали с ритуалами взрослых, устройство их организации копировало устройство взрослой организации, а их игры моделировали не придуманный, а реальный мир. К таким играм можно отнести, к примеру, коммунарскую игру, которая называлась «ЧК Коммуны».

Создание «ЧК» отражало увлечение коммунаров революционной риторикой (тогда же появилось и название «Ревком»). В рамках этой игры коммунары осваивали советские юридические принципы, суть игры состояла не в создании реально действующего полицейского органа, а в составлении звучного законодательного текста: «Орган ЧК создается Советом коммуны и Ревкомом в случае возникновения чрезвычайной обстановки для принятия срочных и решительных мер по ее ликвидации. <...> ЧК подотчетно Ревкому и совету КЮФ. Никто в единоличном порядке не имеет права изменить или остановить принятые ЧК меры. Изменения производятся в порядке обжалования Совету коммуны или Ревкому». В задачи «ЧК» должен был входить как «контроль за выполнением решений совета и общего сбора коммуны», так и «контроль за выполнением требований к коммунару»¹. «ЧК» в Коммуне так и остался на бумаге, в качестве проекта.

Коммунарской игрой, которая строилась по модели, взятой из «взрослого» общества, был и «Трибунал». Довольно сложно точно определить, в чем состояла сущность этой игры, поскольку упоминание о ней не встретилось ни в одном из письменных источников, однако о ней вспомнили в интервью несколько информантов. Судя по их словам, «Трибунал» собирался для того, чтобы разобрать проступок провинившегося коммунара. Случалось это очень редко — информант вспомнил только один случай. Состоял «Трибунал» из Ревкома и членов гайдаровского отряда². Идея «Трибунала» принадлежала самим коммунарам:

Общая ситуация [в Коммуне] была такая очень либеральная, ленинская такая. Но в то же время в какие-то моменты обострялась. <...> Тенденция наводить порядок возникала в основном сни-

¹ Документ из личного архива одного из информантов.

² Гайдаровский отряд — отряд, который состоял из старших коммунаров, многие из которых уже закончили школу.

зу — от тех, кто встал уже во главе из молодежи, из нас самих. Мы решили наводить порядок. Ужасные вещи! Слово «трибунал» придумали. Слышали? У нас был «Трибунал»! Нет, из песни слово не выкинешь! Мы — молодое поколение — как-то слишком всерьез принимали [Интервью № 13, м., 1947 г.р.].

Обратим внимание на постановку в один ряд эпитетов «либеральная» и «ленинская»: именно с Лениным и «восстановлением норм социалистической законности» ассоциировались коллективистские оттепельные ценности, которые виделись как либеральные по отношению к сталинизму.

Во время конфликтов, которые служили причиной обращения к «Трибуналу», некоторые взрослые апеллировали к оттепельным гуманистическим ценностям, заставляя коммунаров если и не принять эту логику, то хотя бы иметь ее в виду:

И.Л. я помню с А. специально [после «Трибунала», где А. обвинили в том, что он недостаточно много времени посвящает «общественной работе» в школе] говорила, и я на это обратил бдительное внимание. Как же она! Мы тут все решили, а она ему говорит: «А., все нормально, будем дальше жить, дружить, любить». В то время я был не настолько сумасшедший, чтобы еще на нее накинуться. Я думаю, что вот такая уравнивающая тенденция очень сильно происходила от некоторых взрослых [Интервью № 13, м., 1947 г.р.].

В сущности, игры, подобные «ЧК» и «Трибуналу», — это модификация игры в «страну-мечту»¹, только «страна-мечта» в данном случае включает элементы реального советского государства. Отсюда и разнообразные суды, документы, приказы, рапорты². Так, коммунары на первом летнем сборе Коммуны (1961) каждое утро сдавали «рапорта»: «Рапорт отряда “Днепр”»: оформили в школе Ленинский зал, пионерскую комнату, сделали спортплощадку с аттракционами, показали малышам диафильмы, распилили и раскололи пять кубометров дров для

¹ Понятие «страны-мечты» как особого вида детской игры введено С.М. Лойтер в статье «Игра в страну-мечту как явление детского фольклора» [Лойтер 1992]. Об игре в страну-мечту см. также: [Обухов, Мартынова 2008].

² Упомянем также еще одну любопытную игру, любимую коммунарами, которая называлась «Суд над песней». «Суд над песней» произошел от так называемых «литературных судов», которые широко использовались советскими педагогами в 1920-е гг. Описание такого «суда» наверняка было знакомо многим коммунарам по роману В. Каверина «Два капитана». «Суд над песней» происходил следующим образом. Один из отрядов Коммуны выбирал какую-нибудь песню и исполнял ее. Иногда песню не просто исполняли, а «драматизировали»: придумывали соответствующий песне образ и один из членов отряда (или весь отряд) воплощал его — одевался в тут же сделанный костюм и пел песню. Песню также могли разыграть как сценку. После этого заранее выбранные судья, прокурор и адвокат песни устраивали судебное разбирательство. Остальные коммунары выступали в роли присяжных. В зависимости от вердикта присяжных песню либо оправдывали (т.е. исполняли на коммунарских сборах), либо обвиняли, «хоронили» (исключали из своего репертуара).

старушки, которой сто два года; рапорт отрядов “Алтай” и “Сибирь”: в озеровской школе покрасили стены и потолки, оклеили классы обоями, расписали школьное крыльцо, оформили Доску почета колхоза “Новый быт”, работали на кукурузном поле¹, на свиноферме, участвовали в концерте трех колхозов села Климово². А во время зимних сборов проводили «операции»³, которые газета «Ленинские искры» описывала следующим образом: «Коммунары начали новую операцию, которую назвали “РФ” — “Родному Фрунзенскому” — открыли вечерний детский сад, в жилконторе № 10 убрали со двора кирпич, расчистили каток на Загородном, 28, помогли старой учительнице» [Ленинские искры. 1962, 17 янв.].

Характерно, что в отличие от описанного исследователями типа игр в «страну-мечту», участниками которых были двое-трое самых близких друзей, в коммунарской модификации этой игры участвовал целый коллектив детей. В этом плане коммунарские игры были близки скорее ролевым играм. Заметим, что коммунары играли и в ролевые игры (к таким играм можно отнести «Швамбранию» по мотивам одноименной повести Л. Кассиля). Любопытно, что своего рода ролевые игры были очень популярны во многих коммунарских объединениях в 1970–1980-е гг. Однако «сценарии» таких игр всегда были связаны с «реальным» миром: как правило, разыгрывались исторические эпизоды, так или иначе актуальные для коммунистической идеологии. В процессе такой игры ее участники должны были освоить некоторые исторические закономерности: «В ходе этой игры физиками и их учениками была установлена жесткая якобинская диктатура. Я играл ремесленника, назначил цену за свою продукцию. Мне говорят: “За эту цену у тебя не будут покупать”. Тогда я говорю, что не буду работать. И меня хват — сажают в кутузку. Это все как бы соответствовало историческим закономерностям. Действительно, в ходе революции такие диктатуры возникают. Мы предполагали продолжить развитие событий, и эту диктатуру свергнуть. И тут с удивлением обнаружили, что физики в восторге от прошедшего, от того, что дети своим умом сразу дозрели до социалистической революции! Организовали революционный легион, который наводит железный порядок. Я был потрясен. Какая социалистическая революция?! Это же бюрократиче-

¹ Кукурузные поля, появившиеся в Ленинградской области во время правления Н. Хрущева, исчезли после его отставки.

² Архив Коммуны.

³ Отметим также «военную» окраску слов «рапорт» и «операция». Мы уже упоминали о том, что слова, связанные с метафорикой боя и войны, были очень характерны для коммунарского дискурса. Военный ореол этих слов, безусловно, притягивал коммунаров, наделял эти слова дополнительным смыслом.

ская диктатура, против которой мы все выступаем. С этим же бороться надо. Мы организовали “крестьян” — школьников, которых “доставали” якобинцы, и готовили поход на город, чтобы разогнать этот легион. А за что выступать? В этих условиях за конституционную монархию с городским советом. Под эти знамена собралась огромная армия» [Шубин 2006: 78–79].

Такие игры были плодом собственного творчества коммунаров, а не заимствовались из одобренных РОНО сборников методических материалов. Именно этой самостоятельности боялись родители коммунаров, а потом и родители школьников, которые переняли от коммунаров логику поведения¹. Одна из наших информанток вспоминает, что, когда она уже работала в школе, они с учениками придумывали следующую игру, суть которой состояла в создании игровой формы контроля. Название этой формы было заимствовано из взрослого мира:

Я работала, у меня был класс, и мы играли в игру. Класс был очень тяжелый по дисциплине. Мы решили поиграть — создали комиссию, назвали ее ВЧК и так далее. Прошло два дня <...> ко мне пришли родители одного мальчика. Они мне сказали: что это такое? Какой ВЧК? Какой Дзержинский? Мы это все обратили в шутку. А наверное, не надо было так называть. Я-то не вкладывала в это такого понятия. А на самом деле, конечно, вот это — следить друг за другом, кто как ведет себя. Молодые были тоже — все экспериментировали [Интервью № 19, ж., 1947 г.р.].

Игры и память: особенности нарратива

Сегодня в интервью информанты обязательно (и с удовольствием) вспоминают и рассказывают о «тимуровских десантах»². Эта игра упоминается практически во всех интервью, рассказы о ней, как правило, подробные, эмоциональные, насыщенные множеством разнообразных деталей. Порой информанты даже относят к «тимуровским десантам» то, что, судя по источникам 1960-х гг., к ним не относилось, например дневную работу на полях или установку памятных обелисков в честь погибших в Великой Отечественной войне в деревнях. Рассказ об этих десантах во многих интервью по сути представляет доминанту в повествовании о Коммуне. Он позволяет

¹ При этом родителей, скорее всего, тревожит именно то, что эта игра самостоятельно придумана учителем и учениками, а не спущена сверху. В противном случае, если бы, к примеру, РОНО или комсомол порекомендовали ввести ВЧК во всех школах страны, родители бы вряд ли пришли жаловаться на это учителю.

² См., к примеру: *Тимуровские дела <...> — одно из замечательных совершенно <...> событий! Добрые дела надо делать тайно! <...> Кюфик оставить и не хвалиться. Надо сказать, что это прививка очень хорошая [Интервью № 10, м., приблизительно 1949 г.р.].* Об особенностях нарратива, посвященного воспоминаниям о Коммуне, см.: [Димке 2010б].

рассказать и о романтике, которая была свойственна не только отношениям между коммунарами, но и их деятельности, об идеологии Коммуны, которая принимала именно такие формы, об особых отношениях взрослых и детей, об ощущениях ответственности за тех, кто не может сам себе помочь. Именно эта игра, по мнению многих информантов, сформировала те качества их характера, за которые им не стыдно и которые они и сегодня продолжают считать значимыми.

Что же касается таких игр, как «Джон Суровая Рука», «ЧК» или «Трибунал», то рассказывать о них информанты избегают. Воспоминания, связанные с ними, явно им неприятны. Эти воспоминания зачастую вытеснены из памяти: когда я задавала вопросы, связанные с «Джоном» или «ЧК», информанты часто отвечали, что они ничего похожего припомнить не могут. Практически никогда они сами не вспоминают о «Джоне», «ЧК» или «Трибунале». Рассказ об этом следовал только у некоторых информантов после дополнительных вопросов: *Джон — один из нас — момент совершенно ужасной подозрительности! Один из нас следит! Ты никогда не знаешь, кто это. Это довольно страшная штука. Вот видите, вы вспомнили про нее, я забыл* [Интервью № 15, м., приблизительно 1947 г.р.]. Единственное интервью, в котором информант сам вспомнил о «Джоне»: *В Коммуне интересно, как мы выросли из этих советских ритуалов <...> Был период, когда у нас был «Джон Суровая Рука» <...> — по самой своей затее это было ГБ. И первым «Джоном Суровой Рукой» был я, понимаете? Вот из этого же надо было как-то выйти <...> все это были вещи серьезные, от этого надо было тоже уйти* [Интервью № 12, м., 1947 г.р.]. Речь о «Джоне» зашла самом конце трехчасового интервью, когда информант пытался объяснить опасность, всегда присутствующую в жизни Коммуны как части советского проекта. При этом информант явно опасался, что упоминание о таком объединении может исказить мое восприятие Коммуны в целом, поскольку я — человек, не обладающий советским опытом.

Описывая Коммуну как одну из самых ярких страниц своей жизни, сегодня информанты, как правило, пытаются «очистить» ее от идеологического контекста или минимизировать его. Однако вне этого контекста подобные формы работы выглядят едва ли не более «тоталитарными». Сегодня они оцениваются информантами в отличие от ряда других (например, от «коллективных творческих дел») как типично советские ритуалы: *в коммуне интересно, как мы выросли из этих советских ритуалов* [Интервью № 12, м., 1947 г.р.; выделено нами. — Д.Д.]. Возникновение этих форм работы (в частности, «Трибунала») большинство информантов объясняет через апелляцию к советскому языку: *Показательное такое слово возникло, за ко-*

торое теперь стыдно. Это ужасно! Эта идея наведения порядка! Поскольку других не было, то она в таких терминах была. Это просто по глупости! Действительно, других слов не знали. Какие уж знали слова. Язык ужасный [Интервью № 13, м., 1947 г.р.]

Однако, как нам кажется, возникновение этих игр (так же как и «тимуровского десанта») было вполне органично для Коммуны (в отличие от пионерской организации). Так, появление и развитие такой игры, как «Джон Суrowая Рука», свидетельствовало о том, что в коммунарском коллективе действительно «нет начальства», а «хозяин — коллектив». Ничего удивительного не было и в таких играх, как «ЧК» и «Трибунал»: дети, которые хотели строить новый мир, экспериментировали в игровой форме внутри своего коллектива с формами мира существующего. Другое дело, что те взрослые организации, в которые они играли, настолько дискредитировали себя в глазах выросших информантов, что вспоминать о них трудно и стыдно: сами их названия отсылают к неприглядным реалиям советской истории и жизни, к которым информанты начинают чувствовать причастными и себя. Поэтому в интервью они рассказывают об этих играх только в контексте преодоления коммунарами советского в его «тоталитарных проявлениях», подчеркивая, что такие игры были явлением временным и быстро прошли. Эти игры репрезентируются как своего рода коллективный искус, который обязательно нужно было преодолеть для того, чтобы идея Коммуны смогла осуществиться.

В этом смысле в описаниях этих игр информантами важен следующий момент: то, что подчеркивает благородство одной игры («тимуровский десант») — тайна и отсутствие контроля взрослых, — парадоксальным образом усугубляет «тоталитарность» второй («Джона» и «Трибунала»). Взрослые не заставляли коммунаров помогать людям (гипотетически они даже ничего не знали об этом, коммунары не ждали награды ни от них, ни от тех, кому оказывали помощь). Но взрослые также не заставляли коммунаров играть в «Джона» или «ЧК».

Сегодня, когда информанты говорят о том, что «Джон» и «ЧК» — «советские» игры, они имеют в виду, что эти игры были возможны только в советском тоталитарном обществе. Вспоминать об этих играх они стесняются, а их появление объясняют советским контекстом. При этом игрой в «тимуровский десант» они гордятся. Эта игра кажется им соответствующей внутреннему духу Коммуны, а не окружающему Коммуну советскому обществу. Именно это соответствие, по их мнению, отличает «тимуровский десант» как от обычных игр их сверстников-пионеров, так и от «тоталитарных» коммунарских игр.

Утопические проекты на уровне повседневности реализовывались в том числе в таких привычных вещах, как детские игры, которые отражали представления взрослых о ребенке и детстве. Специфика таких представлений в утопических обществах состояла в том, что пространство детства было особым образом связано с пространством взрослого мира. Разные грани этого представления по-разному отражались в играх. Особая роль самостоятельного детского коллектива в советской культуре отразилась в играх типа «Тимур и его команда», где дети тайно, без всякого участия взрослых «боролись с несовершенствами окружающего мира». Специфика других игр, например «ЧК» или «Трибунала», объяснялась тем, что дети, взрослеющие в утопических обществах и сообществах, предпочитали не выдумывать свой мир, а играть в мир, придуманный взрослыми, — в мир осуществившейся утопии. Оба типа игр были связаны между собой, поскольку вырастали из представления о ребенке как о партнере взрослого: дети могли, играя, вмешиваться во взрослый мир по тем же соображениям, по которым они предпочитали играть во взрослые институты. Так, игра в «Тимура и его команду» отчасти вытеснила игры в индейцев и пиратов, а игры в «страну-мечту», ненужность которых в новом мире доказывалась в «Кондуите и Швамбрании», сменили игры в идеальное советское государство.

Библиография

- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.
- Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001.
- Детская литература в реконструктивный период. М.: Детская литература, 1931.
- Димке Д.В.* Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950 — начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945–2008): Сб. статей / Под ред. Б.М. Фирсова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010а. С. 238–260.
- Димке Д.В.* Советское детство: модель для сборки // Седьмые чтения памяти В. Иоффе. Право на имя. Биографика XX века. СПб., 2010б. С. 114–120.
- Иванов И.П.* Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников. Дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1972.
- Казакина М.Г.* Приложение к диссертации // Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1967.
- Калверт К.* Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

- Кассиль Л.А.* Конduit и Швамбрания; Будьте готовы, Ваше Высочество! СПб.: Лениздат, 1993.
- Келли К.* Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Кукулин И.* Четвертый закон роботехники: фильм «Приключения Электроника» и формирование «поколения 1990-х» // Веселые человечки: культурные герои советского детства: Сб. статей / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 458–507.
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Лойтер С.М.* Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн: [б.и.], 1992. Ч. 1. С. 65–72.
- Маубах Ф.* Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) // Вторая мировая война в детских рамках памяти: Сб. статей / Под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 147–177.
- Маяковский В.В.* Товарищу подростку // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. Т. 10. С. 180.
- Мойжес А.* Фрунзенские коммунары // Искорка. 1961. № 10. С. 31.
- Неймарк М.С.* Послесловие // Фрунзенская коммуна. Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими. М.: Детская литература, 1969. С. 170–173.
- Обухов А.С., Мартынова М.В.* Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна К.К.Р. Антона Кротова и его друзей // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов / Сост. Г.В. Макаревич. Тверь: Научная книга, 2008. С. 231–245.
- Петровский М.* Книги нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.
- Трофимов В.А.* Реформирование советской системы школьного образования в 1958–1964 гг. (на материале Кемеровской области): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006.
- Учебный текст в советской школе: Сб. статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М.: Институт Логики, когнитологии и развития личности, 2008.
- Фрунзенская коммуна. Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими. М.: Детская литература, 1969.
- Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. С. 110–140.
- Штейнер Е.* Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Шубин А.В.* Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006.

Шумов К.Э. Игры на переменках в школе (1960–70-е гг. XX в.). Время перемен // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики: Сб. статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский, М.В. Ромашова. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 270–278.

Koutaissoff E. Soviet Education and the New Man // Soviet Studies. 1953. Vol. 5. No. 2. P. 103–137.